

ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

* * *

В киевском метро, между эскалаторами, в специальных стеклянных стаканах из красного дерева сидят особые обученные тетки в тапочках и крутят педали, заставляя эскалаторы двигаться.

Надо сказать, в киевское метро набирают теток по специальному кастингу: кандидатка должна быть в чем-то отличительной — или злобной, или толстой, или просто, может, визгливой. А если попадается милая девушка, на нее надевают специальный пыльный синий китель и красную шапку с кошачьей шерстью по всей поверхности — и она тоже становится противной теткой. Тогда ей вручают знак: семафор на палочке. Это специальный гаджет, напичканный суперсекретной электроникой. По нему отдельный экзамен — как махать, какой рукой.

Тетки в стаканах постоянно наблюдают за людьми в метро. Они перед работой сдают спе-

циальный экзамен по кнопкам на все случаи жизни. Если кто-то на эскалаторе как-то пошевелится или одет не в черное — тетка нажимает специальную кнопку:

— Не біжіть по ескалатору! Ви можете травмувати себе або інших пасажирів!

А если кто-то едет с ребенком, зоркая тетка тут же нажимает:

— На ескалаторі батьки повинні тримати дітей за руку! А зовсім маленьких — на руках! Дідусі мають бути тверезими!

И если родители не отреагировали — их на выходе уже встречает наряд милиции. Прямо там же лишают родительских прав, а ребенка — в детдом. Всех дедушек разлучают с внуками и сдают в вытрезвитель, где у них из карманов персонал ворует газету «Вести».

А если студент сядет на ступеньки, тетка, как молниеносная Нагайна, нажимает:

— Не сидіть на ескалаторі! Ви можете травмувати жопу себе або жопу інших пасажирів!

А иногда у теток слетает тапочек, и эскалатор останавливается. Тогда все вздыхают и идут пешком. Но тетка с трудом нагибается (потому что толстая), шерудит в пыли, находит тапочек, опять надевает его на варикозную ногу и тогда нажимает:

— Увага, пасажирі! Ескалатор включається в роботу!

У всех теток из стаканов есть знакомые милиционеры. Они часами кокетничают друг с другом — очень красиво, можно рисовать картины и продавать в «Глобусе» иностранцам. Но если зоркая тетка увидит, что ее милиционер стал кокетничать с какой-нибудь продавщицей халатов из подземного киоска, она обижается и нажимает настоящий яд:

— Шановні пасажери! Не купуйте нічого у продавців в метро! Давайте разом подолаємо незаконну торгівлю!

А милиционер только лыбится и сплевывает семечки через губу (одна лушпайка прилипла к губе, и халатница ее со смехом снимает своим маникюром), а тетке ведь обидно! И она тогда нажимает кнопку:

— Заходячи за жовту обмежувальну лінію, ви можете бути травмовані поїздом, що прибуває на станцію. Він зробить з вас каклету і буде правий!

А если милиционер по-прежнему гоняет лушпайки с халатами, злая тетка имеет право раз в году обратиться к Великой матери — богине метро, которая объявляет голоса кнопок. Она служила комendanтом концлагеря и знает, как помочь.

А пассажиры бегут мимо одной условно припадочной нищей, которая сидит на грязном полу и визжит:

— Подайте, родненькие! Я вас очень-очень прошу! Подайте, кто сколько сможет, гробаные уроды!

* * *

Вот я еду в метро, а очки после съемки не снял — и пожалуйста: мне сверху видно всё, ты так и знай — все втыкают в мобилки.

Одна барышня пишет в Вайбере: общается с кем-то. И так живо она это пишет, так мелко набирает, как белочка — мне текст не видно, но понятно:

— Хотела тебе кое-что сказать, но ладно. Забудь.

— Что сказать?

— Да неважно, проехали. Я же сказала: забудь.

— Но ты можешь объяснить? Что уже случилось?

— Ничего не случилось! Хватит!

— Ну все-таки, что опять не так?

— Ну что ты, как баба? Достал!

И сидит, так мелко маникюром — тыц-тыц.

А еще сидит пацан и мобилку держит горизонтально: какая-то игруха — он бежит вдаль, то под поезд запрыгнет, то ров с крокодилами перелетит, то от машины увернется, то лиану подхватит; а скорость такая, что у меня уши начинает закладывать.

А вот какой-то дядечка пенсионерского пошиба: у него разноцветные шарики, он что-то нажимает — а они то лопаются, то взрываются, то пропадает целый ряд, то перемещается, то салют показывают, то три вишенки, то три банана выпадают. Господи, это ж и я когда-то таким буду: слюни от восторга — целых три розовых клубнички лопнули, вот это я вдул!

А еще одна — Фейсбук листает. И тут — мамочки! — вдруг меня показывают! Вернее, какой-то мой пост в виде простыни! И она на полном серьезе вдруг начинает его читать!

Я уж вспотел.

Прикиньте.

Слава Богу, на мне после фильма острая борода и очки, не особо узнаешь. Я еще и умное лицо на всякий случай сделал, как будто это не я: с умным-то лицом меня точно никто не узнает.

А потом мы приехали.

А подглядывать некрасиво. Но я же понарошку, без цели, тогда можно, наверное.

* * *

Ненавижу, когда женщине уступаешь место:

— Присаживайтесь, пожалуйста!

А она тебе так кокетливо:

— Нет-нет, сидите-сидите, я постою!

А ты такой, широко улыбаясь:
— Ну что вы! Прошу, присядьте!

А она такая, игриво:

— Да я на работе насиделась, спасибо.

А ты такой, почти упрашиваешь:

— Ну, пожалуйста! Что же вы!

А она такая, гордо:

— Я же сказала: я постою!

И стоишь, как сельский дурачок с гарбузом в руках, улыбаешься... Что делать — непонятно: садиться обратно — как-то глупо, оставаться стоять — нелепо, искать другую кандидатку, поумнее?

Все на тебя смотрят и усмеваются: кавалер-транспортник какой-то, джентльмен-неудачник. Эта идиотка смотрит тоже. Еще и улыбается так ехидно, курица.

В конце концов прибежит с другого конца вагона — разглядела свободное место! — и плюхнется какая-нибудь неопрятная бабища, с невытой головой.

Обидно.

* * *

В метро молодежь идет налегке, а старики всегда тянут какие-то тяжелые сумки (чаще две).

Я уже не спрашиваю, что они там носят, но у меня появилось смутное подозрение: когда я

достаточно состарюсь, меня где-то посвятят в старики — вручат две тяжеленные сумки, набитые очень важным барахлом, и скажут:

— Ну, иди.

И я первые пятнадцать минут еще даже попробую ходить с нормальным, не убийственным лицом, а потом, конечно, не выдержу и каааак въеду палкой какому-нибудь парню по ногам: мало того, что идет без сумок, как все нормальные люди, так еще и обгоняет в метро. Скотина.

* * *

Объясните мне кто-нибудь: почему каждая девушка в джинсах с рынка старается вплыть в вагон как можно более неторопливо и величественно и обязательно остановиться прямо у входа, как будто дворецкий сейчас примет перчатки и манто?

* * *

День святого Валентина. С утра такое творится — оглохнуть можно!

Значит, смотрите. Во-первых, при входе в метро один парень встал на колено перед одной такой девчонкой, а два его друга обеспечивают шоу: один стреляет в воздух такой трубой с цветными

конфетти, а другой снимает это на мобилку. Девчонка вроде как должна расплакаться от счастья, но пока только испугалась — думала, может просто розу на ножке преподнесет или там шоколадную жопу, а тут такой Ютуб.

Не стал ждать, пока расплатится — убежал, опаздываю. Люди некоторые хлопали, между прочим.

Потом. Уже в метро длинный парень бежит задыхается с огромной такой пандой плюшевой, на ней при желании спать можно, она же, как диван, и кричит в телефон:

— Ну, еще полминуты! Ну, не уходи, я сейчас! Ну, пожалуйста! Только не отключайся! Еще полминуты! Я уже здесь! Не уйди только, ладно?

Так захотелось взять трубку и прошипеть: «Никуда не рыпайся, идиотка, человек ради тебя через весь город это одоробло тащил! Стой себе спокойно и жди счастья! Полминуты же!»

И еще. В вагоне одна женщина в пальто, довольная, утром точно секс был, стоит и улыбается. И говорит мне:

— Мужчина! Что это вы на меня так смотрите? Вы кто вообще?

А я растерялся, конечно, и говорю:

— Астролог-гомеопат.

* * *

Десять утра. Народу — как раз забить сидячие места. Они и забиты. Стоят всего пару человек.

Вхожу в вагон через заднюю дверь, и обе скамьи по бокам поднимают на меня глаза. И почему-то как раз тишина. Все на меня смотрят, как будто я сейчас что-то скажу. Например:

— Граждоне посожиры! Извените, что я такой маладой к вам обращаюсь!..

Или:

— У кого есть возможность — помогите собрать деньги на операцию больному котенку! У меня есть все подтверждающие документы!..

Все нетерпеливо ждут, а я молчу. У меня же нет подтверждающих документов, граждане, чего вы вылупились?

* * *

Брюнетка рядом со мной говорит по телефону:
— Котенок, я уже на Льва Толстого. Через полчаса буду дома.

Потом что-то напряженно слушает и:

— Та можешь вообще домой не приходить!

И нажимает кнопку отбоя:

— Задрал!

Я сочувственно говорю:

— Что? Опять выпивает после работы с друзьями?